

Наталья Ваганова

«Жаль только, что его философические письма обращены к даме»... Письма к даме как философский жанр

В предлагаемой статье не проводится различие между письмом, написанным для публикации, и личным письмом, обращенным к единственному адресату. Конечно, такие письма отличаются – и по форме, и в содержательном отношении. И все же четкую границу между посланиями обоих видов провести удастся не всегда, к тому же с течением времени вторые часто переходят в разряд первых и становятся точно таким же элементом культурно-исторического наследия и предметом исследовательского анализа.

Особого рода метаморфоза произошла с Первым из восьми *Философических писем* Чаадаева: перейдя из сферы частных обращений в публичное пространство, оно было воспринято современниками как манифест чаадаевских идей. Между тем уже М. О. Гершензон вполне решительно утверждал, что письмо Чаадаева «было не литературным произведением в эпистолярной форме, как обыкновенно думают, а действительно и в самом точном смысле слова письмом»¹. И даже более того:

Наталья Ваганова – доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат философских наук. Автор статей, посвященных проблемам русской религиозной философии и монографии *Софиология протоиерея Сергия Булгакова*.

¹ М. Гершензон, П. Я. Чаадаев. *Жизнь и мышление*, Санкт-Петербург 1908, с. 66.

Кто примет его не за то, что оно есть на самом деле, т.е. не за частное письмо на специальную тему, а за публичное [...] изложение цельной доктрины, тот неизбежно, во-первых, многого в нем не поймет, во-вторых, остальное поймет превратно. [...] А главное, при таком взгляде неминуемо исказится внутренняя перспектива письма, т.е. получится совершенно ложное представление о роли, которую тот или другой отдельный тезис Чаадаева играет в целом его мировоззрении².

К сожалению, опасения Гершензона полностью оправдались: Первое письмо и поныне в общественном мнении имеет значение едва ли не «исповедания веры» Чаадаева, что в действительности лишь отвлекает от существа его религиозно-философской доктрины. Подобное искажение перспективы сказывается не только на осмыслении идей Чаадаева: оно отбрасывает тень и на русскую религиозно-философскую традицию в целом, поскольку уже давно и не раз было отмечено, что ряд русских мыслителей, фактически не имея возможности читать Чаадаева, в своих основополагающих интуициях показывают удивительную близость с его идеями. В частности, Евгений Трубецкой говорил о сходстве учений Владимира Соловьева и Чаадаева, утверждая, что «первый является несомненным продолжателем второго»³, и что Чаадаев, «очевидно, осуществляет задачу, очень близкую к тому, что Соловьев назвал “великим синтезом”»⁴.

Между тем, как свидетельствует сам Соловьев, прочесть Чаадаева он смог уже достаточно поздно: в письме к русскому католику Мартынову, датированному 31 января 1887 года, Соловьев благодарит своего адресата за присланный портрет Чаадаева, сообщая, что лишь недавно познакомился с его писаниями⁵.

² М. Гершензон, *П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление*, *op. cit.*, с. 68–69.

³ Е. Н. Трубецкой, *Мирозозерцание В. С. Соловьева*, т. 1, Москва 1995, с. 79.

⁴ Е. Н. Трубецкой, *Мирозозерцание В. С. Соловьева*, *op. cit.*, с. 80.

⁵ Очень характерно, что сын прославленного русского историка и ректора Московского университета не мог найти в библиотеке своего отца (возможно, одной из лучших в России) сочинений Чаадаева. Интересно в связи с этим сообщение Лукьянова

Предметом моего рассмотрения в этой статье будет лишь один из совпадающих фрагментов творчества обоих философов – который, впрочем, касается не идей, а своеобразия их трансляции. Речь идет о том, что оба они в каком-то сущностном смысле являются тем, что сказал о себе Чаадаев в письме к Александру Ивановичу Тургеневу – как о *философе женщин*: «в качестве философа женщин, очень высоко их ставлю»⁶. С рассмотрения этой стороны жизни Чаадаева Б. Н. Тарасов в своей известной монографии начинает главу о *Философических письмах*. Его замечание «Своеобразные отношения Чаадаева с женщинами весьма важны для понимания и его характера, и его [...] философии»⁷, как и то, что они связаны у Чаадаева самосознанием «своей “апостольской” миссии в мире»⁸ – в еще большей степени верно для Соловьева.

Поэтому, когда Соловьев, отмечая в письме к Мартынову, что Чаадаев «представляет очень важное явление в умственной истории России», делает заключение: «Жаль только, что его философические письма обращены к даме»⁹, – звучит это достаточно парадоксально. Ведь именно дамы составляли значительную часть аудитории самого Соловьева, особенно в период его публичных лекций и преподавания на Высших женских курсах во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг. На первый взгляд интерпретировать слова о сожалении можно двояко: жаль может быть потому, что дама все равно мало что поймет в мысли философа, – либо потому, что для того, чтобы

о том, что в университете профессором богословия у Соловьева был протоиерей Николай Александрович Сергиевский – духовник П. Я. Чаадаева, который принял его последнюю исповедь и причастил перед смертью. Лукьянов замечает, что «через Н. А. Сергиевского Соловьев как бы приближается к П. Я. Чаадаеву» (С. М. Лукьянов, *О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии*, кн. 1, Петроград 1916, с. 213), – что, однако, несколько противоречит другому его замечанию: «Профессор богословия Н. А. Сергиевский [...] едва ли внушал особый интерес Соловьеву» (С. М. Лукьянов, *О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии*, кн. 1, ор. cit., с. 212).

⁶ П. Я. Чаадаев, *Письма*, в: П. Я. Чаадаев, *Полное собрание сочинений и избранные письма*, т. 2, Москва 1991, с. 90.

⁷ Б. Н. Тарасов, *Чаадаев*, Москва 1986, с. 189.

⁸ Б. Н. Тарасов, *Чаадаев*, ор. cit., с. 189.

⁹ *Письма Владимира Сергеевича Соловьева*, т. 3, Санкт-Петербург 1911, с. 18.

дама все-таки что-то поняла, эту мысль пришлось адаптировать к ее «дамскому» разумению.

Между тем дама, как адресат – а также и как *адресант!* – философских трансляций философу может быть важна и интересна именно в силу априорной неравнозначности их позиций. Одной из сторон дано право считать себя носительницей и передатчицей высшей мудрости, другой же – чувствовать себя ее благодарной восприимницей. Если такие дамы собираются вместе, в аудитории, чтобы прослушать лекции философа, – например, об истинном смысле христианства, – то подобная публика может быть эмоциональной и интеллигентной, но вряд ли достаточно квалифицированной. Однако ее главной чертой будет, скорее всего, сильная мотивация: жажда духовного просвещения и стремление к деятельности, к преобразованию жизни на каких-то не вполне ясных, но благих и высоких началах. На подобную аудиторию и была в основном направлена миссия Соловьева, ее он предпочитал аудитории университетской. Именно в такой среде его слово могло упасть на отзывчивое сердце, чему в немалой степени способствовала и вся необыкновенная харизматическая личность Соловьева, поражавшая современников.

Чаадаев, по многим свидетельствам, тоже производил подобное впечатление. Из письма Е. Г. Левашовой к Чаадаеву:

Вы призваны протягивать руку тем, кто жаждет подняться, и приучать их к истине... Я твердо убеждена, что именно таково ваше призвание на земле; иначе зачем ваша наружность производила бы такое необыкновенное впечатление даже на детей? Зачем были бы даны вам такая сила внушения, такое красноречие, такая страстная убежденность, такой возвышенный и глубокий ум? Зачем так пылала бы в нас любовь к человечеству?.. И можно ли думать, что все это случилось без предустановленной цели, которой вам суждено достигнуть, никогда не падая духом и не теряя терпения, ибо с вашей стороны это значило бы усомниться в Провидении?¹⁰.

¹⁰ Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву, в: П. Я. Чаадаев, *Полное собрание сочинений и избранные письма*, т. 2, *op. cit.*, с. 454.

Сохранилось множество писем дам к Чаадаеву. Среди них 49 писем на французском языке Авдотьи Сергеевны Норовой, рядом с которой философ впоследствии завещал себя похоронить. Безнадежно влюбленная и смертельно больная девушка обращается к Чаадаеву как к священной персоне, едва ли не как к божеству:

Все мое счастье в вас, у меня нет ничего в этом мире... Моя жизнь в ваших руках, вы ее владыка перед лицом Господа. [...] Я хочу просить вашего благословения. У меня часто бывает это желание, и, кажется, решишь я на это, мне было бы так отрадно принять его от вас, коленопреклоненной, со всем благоговением, какое питаю к вам. Не удивляйтесь и не отрекайтесь от моего глубокого благоговения – вы не властны уменьшить его во мне. Благословите же меня. [...] Я мысленно становлюсь пред вами па колени – и просите за меня Бога, чтобы Он сделал меня такою, какою мне следует быть¹¹.

Избранные женщины составляли круг, представительниц которого Чаадаев пытался наставить на путь к духовному совершенствованию.

Отношение Чаадаева к женщинам и их роли в религиозной жизни Б. Н. Тарасов характеризует следующим образом: женщин, этот дающий жизнь, набожный и мирный пол, нетворческим можно считать только с точки зрения мужского «искусственного разума», чье своевольное «новаторство», исполненное духа соперничества,

разъединяет людей, теряющих основной путь единой и непоколебимой мысли и устремляющийся по ее боковым и тупиковым ответвлениям. В природной женской пассивности и сердечной предрасположенности к самоотречению Чаадаев видит залог развития необходимой [...] для подлинного творчества способности покоряться «верховной воле». Предрасположенность женского сердца к самоотречению Петр Яковлевич ощущает как точку при-

¹¹ Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву, *op. cit.*, с. 440–441.

ложения сил, ведущих к последней степени совершенства человеческого. Для него укрепление этой предрасположенности по-своему аналогично отмеченному им типу гениальности, ничего шумного не изобретающей, а потому в своей тихой подчиненности способной лучше различить голос «высшего разума» и пропитаться «истинами откровения». Женское для Чаадаева является в известной степени антропологическим преломлением религиозного и послушным орудием провидения¹².

Между тем, когда в *Философических письмах* Чаадаев обращается к некоей «Сударыне»¹³ (в данном случае неважно, была ли госпожа Панова реальным адресатом или нет), – он уже следует некоторой сложившейся традиции. В русской философии можно вспомнить Дмитрия Веневитинова и его философские письма к княжне Александре Ивановне Трубецкой (в замужестве Мещерской) (*Письма к графине NN*). Как и в случае с Чаадаевым, инициатором диалога явилась дама: в первом письме автор напоминает своей корреспондентке, что она сама потребовала от него «развития философских понятий» и тем самым сделала «первый шаг ко храму богини, которая более всех прочих таится от взоров смертных»¹⁴.

Линию «писем к даме» подхватывает и Хомяков – и как раз в связи с Чаадаевым. Статью *Несколько слов о философическом письме (напечатанном в 15 книжке «Телескопа»)* Хомяков адресует «г-же Н» – в действительности жена Хомякова Екатерина Михайловна Языкова. Здесь диспозиция «философ – дама» выглядит иначе. Эта дама, по мысли философа, выше того, чтобы полемизировать с огорчившим ее письмом (адресованным, в лице чаадаевской дамы, и вообще всем дамам): «Успокойся, мой друг,

¹² Б. Н. Тарасов, *Чаадаев*, op. cit., с. 189–190.

¹³ В журнале «Телескоп» злополучная публикация называлась *Философическая письма к Г-же ***. Письмо первое*.

¹⁴ Д. В. Веневитинов, *Письма к графине NN*, в: Д. В. Веневитинов, *Полное собрание сочинений*, Санкт-Петербург 1862, с. 174.

эта статья написана не для тебя»¹⁵. В даме Хомякова идеал философии уже осуществился, ей нет смысла снисходить к метаниям мужчин-философов:

Всякое преобразование твоего сердца и твоей души было бы зло... Ты родилась уже истинною христианкой, практическим существом той теории, которую излагает сочинитель... Ты давно поняла то единство духа, которое со временем должно возобладать над всем человечеством; ты издавна уже помощница его [...], ибо избранной тобой путь есть стезя [...], по которой, со временем, должно пойти все человечество¹⁶.

Поскольку идеал уже достигнут, вероятно, дама Хомякова и не нуждалась бы в тех советах, которые дает своей даме Чаадаев:

Что касается вас, сударыня, то вам прежде всего нужна сфера бытия, в которой свежие мысли, случайно зароненные в ваш ум, новые потребности, порожденные этими мыслями в вашем сердце, и чувства, возникшие под их воздействием в вашей душе, нашли бы действительное применение. Вы должны создать себе собственный мир, раз тот, в котором вы живете, стал вам чуждым. Начать с того, что состояние души нашей, как бы высоко мы ее ни настроили, зависит от окружающей обстановки¹⁷.

Далее, после известного совета переехать в деревню и заняться приведением в порядок усадьбы, Чаадаев продолжает:

Одна идея, пронизывающая всю вашу жизнь, должна всегда стоять перед вами, служить нам светочем во всякое время дня. Мы являемся в мир со смутным инстинктом нравственного блага, но вполне осознать его мы можем лишь

¹⁵ А. С. Хомяков, *Несколько слов о философическом письме (напечатанном в 15 книжке «Телескопа»)*, в: А. С. Хомяков, *Сочинения в 2 томах*, т. 1, Москва 1994, с. 449.

¹⁶ А. С. Хомяков, *Несколько слов о философическом письме (напечатанном в 15 книжке «Телескопа»)*, *op. cit.*, с. 449.

¹⁷ П. Я. Чаадаев, *Философические письма*, в: П. Я. Чаадаев, *Полное собрание сочинений и избранные письма*, т. 1, Москва 1991, с. 339–340.

в более полной идее, которая из этого инстинкта развивается в течение всей жизни. Этой внутренней работе надо все приносить в жертву, применительно к ней надо установить весь порядок вашей жизни¹⁸.

К сожалению, в жизни Екатерины Дмитриевны Пановой вскоре вместо порядка воцарился полный хаос. О своей трагедии она поведала в письме к Чаадаеву. Панова, хотя и не имела возможности прочитать Второе письмо, невольно последовала данному там совету. Продав имение, она переехала в нижегородскую усадьбу своего мужа, где, как она пишет, «вследствие его безумного хозяйничания, дела совершенно расстроились» и долги поглотили все состояние. Там она «сделала грустное открытие, что связала свою судьбу с негодяем». Особенно были возмутительны «его меры выколачивания денег из [...] несчастных крестьян».

Бесчестные поступки, происходившие на моих глазах, до того возмутили меня, что я не захотела скрывать моего презрения и объявила ему, что мы не можем более жить вместе... И что же он сделал, как вы думаете?.. Он запер меня в комнату, у которой заколотили окна и дверь, и давал мне пищу, которой не стали бы есть даже собаки, в маленькое отверстие, проделанное в стене. Часто я сидела целыми днями на полу без еды и питья, погруженная в полную тьму, всю мебель вынесли, при холоде в 10–12 градусов. Эту комнату никогда не топили. Поверите ли, сударь, он приходил смотреть на меня в это отверстие и глядел с насмешливой улыбкой...

Наконец, я почувствовала, что схожу с ума; холод, голод, отчаяние, болезнь – у меня не было больше сил бороться со столькими несчастьями. Моей навязчивой мыслью сделалось желание умереть¹⁹.

Чаадаев же, в письме к московскому обер-полицмейстеру генерал-майору Цынскому, пытаясь отвести от себя подозрения в неблагонадежности, отрицает причастность Пановой к своим сочинениям:

¹⁸ П. Я. Чаадаев, *Философические письма*, *op. cit.*, с. 344.

¹⁹ *Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву (1836)*, *op. cit.*, с. 456–458.

Надобно еще знать, что прочие, так называемые мои философические письма, написаны как будто к той же женщине, но что г. Панова об них никогда даже не слыхала. Что касается до того, что несчастная женщина теперь в сумасшествии, говорит, например, что она республиканка, что она молилась за поляков, и прочий вздор, то я уверен, что если спросить ее, говорил ли я с ней когда-либо про что-нибудь подобное, то она, несмотря на свое жалкое положение, несмотря на то, что почитает себя бессмертною²⁰ и в припадках бьет людей, конечно скажет, что нет. Сверх того и муж ее тоже может подтвердить...

Впрочем я убежден, что мудрое правительство не обратит никакого внимания на слова безумной женщины, тем более, что имеет в руках мои бумаги, из которых можно ясно видеть, сколь мало я разделяю мнения ныне бредствующих умствователей²¹.

По решению медицинской комиссии Панова была действительно помещена в частную психиатрическую больницу известного врача Василия Федоровича Саблера.

О печальном финале жизни Пановой сообщает ее внучатый племянник Н. Н. Вильде:

Эта корреспондентка Чаадаева, эта «философка» остается в моей памяти теперь каким-то несчастным, блуждающим существом [...]. Я не знаю, где ее могила, не знаю, у кого об этом спросить. [...] Род Улыбышевых вымер, в родовом склепе села Лукина Екатерина Дмитриевна не покоится. [...] Куда исчезла она тогда из Лукина старой, безногой старухой, – я не знаю... В лукинском доме, где я не был уже около 20 лет, портрета Екатерины Дмитриевны не сохранилось²².

²⁰ Не исключено, что бессмертной Панова почитала себя под влиянием идей своего брата, Александра Дмитриевича Улыбышева (музыкального критика, автора трехтомной монографии о Моцарте), который надеялся на установление в будущем некоей «истинной религии, т.е. культа единого и всемогущего бога, основанном на догме бессмертия души», о чем он написал в фантастической повести *Сон*. См. А. Д. Улыбышев, *Сон*, в: *Сильфида: Фантастические повести русских романтиков*, Москва 1988, с. 216–222.

²¹ П. Я. Чаадаев, *Письма*, *op. cit.*, с. 117–118.

²² Н. Н. Вильде, *Корреспондентка Чаадаева*, «Голос Москвы» № 94, 24 апреля 1913.

Несомненно, реальная судьба этой дамы со всей беспощадностью обнаруживает утопизм идей Чаадаева...

Обратимся теперь к Владимиру Соловьеву и его обширной переписке с дамами. Для нас здесь важны два явления: ранние письма к невесте Кате Романовой и переписка последнего года жизни Соловьева с Анной Николаевной Шмидт.

Известное «программное» письмо к невесте Е. В. Романовой, от 2 августа 1873 года, намечает представления Соловьева о собственной роли в «восстановлении истинного христианства» и его «практического осуществления в жизни»:

нужно воспользоваться всем, что выработано за последние века умом человеческого: нужно усвоить себе всеобщие результаты научного развития, нужно изучить всю философию. Это я делаю и еще буду делать. [...] И когда христианство действительно будет выражено в этой новой форме, явится в своем истинном виде, тогда само собой исчезнет то, что препятствует ему до сих пор войти во всеобщее сознание, именно его мнимое противоречие с разумом. Когда оно явится, как свет и разум, [...] христианство станет действительным убеждением²³.

Очертания соловьевской религии будущего здесь только намечаются, и пока можно лишь догадываться, как он представлял свое участие в формировании нового религиозно-философского синтеза. В письме к Романовой он видит себя лишь теоретиком-богословом – правда, намеренным «идти в мир, чтобы преобразовывать его»... Однако в конце следует приписка: «С такими убеждениями и намерениями я должен казаться совсем сумасшедшим, и мне поневоле приходится быть сдержанным»²⁴.

Через несколько недель в очередном письме Соловьев пишет о «предстоящем перевороте в сознании человечества», о том, что «приближаются славные и тяжелые времена». Предвестия перемен

²³ Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, *op. cit.*, с. 89.

²⁴ Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, *op. cit.*, с. 89–90.

налицо, но все «начнется оттуда, откуда никто не ожидает». Поводом к письменному изложению всех этих предчувствий, как следует из текста письма, послужил вопрос невесты о «способности женщины понимать высшую истину»²⁵. Ответ Соловьев дает утвердительный, однако характер восприятия женщиной такой истины определяется ее «пассивной природой»: не будучи способной создавать высшие религиозно-философские учения и получая таковые в уже готовом виде от мужчин, женщины играют определяющую роль в их усвоении и распространении – и в грядущем религиозном перевороте тоже будет так... Является ли это письмо предварительным приглашением? В любом случае перемен следует ждать «с надеждой, а не со страхом»²⁶.

В последнем из известных писем Соловьева к невесте он рассказывает ей о своих ученых штудиях. Без этих знаний «невозможно полное понимание всемирной истории вообще и христианства в особенности»²⁷, однако все это «лишь начальные, подготовительные занятия» к «делу», к ожидающей впереди «великой задаче»²⁸. Вероятно, навязчивая идея о собственной роли заставляет Соловьева обещать своей избраннице «то, чего другие дать не могут...». Какие блага сулил невесте жених мы не узнаем – после фразы «пока, в настоящем, я ничто», Соловьев вымарал девять строчек написанного текста, прибавив в завершение письма: «В зачеркнутых строках я написал то, чего писать не годится...»²⁹. Как известно, Катя Романова вскоре отказала Соловьеву, тем самым порывая и с участием в будущем религиозном перевороте.

История отношений и переписка Соловьева и А. Н. Шмидт достаточно хорошо исследована. В последнее время были опубликованы все сохранившиеся фрагменты ее писем к Соловьеву – их всего пять, но было намного больше. К трем из них сохранились ответы

²⁵ Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, op. cit., с. 97.

²⁶ Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, op. cit., с. 98.

²⁷ Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, op. cit., с. 106.

²⁸ Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, op. cit., с. 106.

²⁹ Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. 3, op. cit., с. 106.

Соловьева, причем последнее написано 22 июня 1900 года, т.е. чуть более чем за месяц до его смерти.

Отношения Соловьева и «таинственной воплощенной Софии» стали предметом долговременной рефлексии, имевшей, в разные периоды жизни, в том числе и экзистенциально-личный характер, для другого русского философа, С. Н. Булгакова.

Впервые он упоминает о Шмидт в работе *Апокалиптика и социализм* (1910). Завершая довольно объемное многочастное сочинение, в качестве общего резюмирующего весь текст положения Булгаков цитирует отрывок из письма Соловьева к Шмидт. Булгаков представляет собой соловьевский пересказ сна «одной давно умершей старушки» – в действительности Анны Федоровны Аксаковой (Тютчевой). Тютчевой приснилось, что она читает письмо Соловьева, написанное, как обычно, поспешными закорючками, но в это письмо вложено другое – на «великолепной бумаге», написанное «прекрасным почерком и золотыми чернилами». Голос Соловьева сообщает ей, что это письмо – настоящее, однако читать не велит, после чего с огромным мешком денег является сам Соловьев: в мешке полно медных денег, но под ними лежат золотые: «Когда выйдет вся медь, тогда и до золотых слов доберешься» – сообщает во сне Соловьев. Пересказав все это, Булгаков завершает свою статью глубокомысленным выводом:

Не у каждого в его сокровенном письме написаны золотые слова, но все носят в себе некую живую тайну, хотя и не всегда это сознают, все имеют личный о себе апокалипсис. Но он не может раскрыться, пока мы не израсходовали всех своих медных денег, не отдали жизни всего, что ей должны³⁰.

В самом способе цитирования соловьевского письма Булгаков демонстрирует механизм включения интимной переписки в сугубо философский публичный дискурс. Прежде всего, контексты,

³⁰ С. Н. Булгаков, *Апокалиптика и социализм*, в: С. Н. Булгаков, *Сочинения в 2 томах*, т. 2, Москва 1993, с. 434.

в которые помещают «сон старушки» в своем письме к Шмидт сам Соловьев, и цитирующий его Булгаков, совершенно различны. В ответ на письмо Шмидт Соловьев посылает ей письмо с рассказом о приснившемся некой таинственной и уже умершей старушке письме, в котором находится другое письмо... Соединяются обыденная человеческая переписка и мистическое послание, явленное во сне, которое, к тому же, тоже оказывается двойным: в обыкновенное, хотя и снящееся, письмо завернуто другое – истинное, сокровенное... Ко всему прочему внешние обстоятельства настоящей физической переписки окружены какой-то тайной: в завершение письма Соловьев сообщает Шмидт, что намерен сжечь недавно полученное от нее послание – «фактическую исповедь». Она, пишет Соловьев, «возбуждает величайшую жалость», а содержание заставляет его «скорбно ходатайствовать» об Анне Николаевне «перед всевышним». Но теперь все это «только пепел. А о том, что под пеплом – продолжает Соловьев – я Вам расскажу сон»³¹.

В завершение Соловьев советует Анне Николаевне «этот сон применить и к себе» и назначает ей свидание во Владимире, – которое, как известно, состоялось, оставшись их единственной встречей, – и заканчивает все просьбой: «ни с кем обо мне не разговаривайте, а лучше все свободные минуты молитесь Богу»³².

О чем Шмидт поведала Соловьеву в своем письме-исповеди, нам, таким образом, неизвестно, как неизвестно и содержание их беседы в вокзальном буфете станции Владимир-на-Клязьме. Соловьев сжег ее «исповедь», – как он пишет, «ради предосторожности», – и просит ее «больше к этому предмету никогда не возвращаться»³³. Криптологический аспект всей истории, вполне естественный для личной переписки и заключенный в том, что оставшиеся за границами написанного обстоятельства до конца

³¹ В. С. Соловьев, *Письма*, т. 4, Петербург 1923, с. 11.

³² В. С. Соловьев, *Письма*, т. 4, *op. cit.*, с. 12.

³³ В. С. Соловьев, *Письма*, т. 4, *op. cit.*, с. 11.

известны и понятны только двоим корреспондентам, усиливается действиями Соловьева, направленными на уничтожение доверенного бумаге.

Булгаков, завершая свою работу цитатой из Соловьева, переносит ее из интимного письма в текст, написанный в жанре религиозно-философской публицистики на тему социальной эсхатологии. В итоге возникает многослойная структура, характерная для мифа: сон старушки, переданный в письме, в котором рассказывается о письме в письме и сообщается о сожженном письме... Заметим также, что делает он это еще до публикации письма Соловьева к Шмидт Радловым, отчего возникает дополнительный оттенок причастности к некоему знанию, недоступному широкой публике.

Подобная смысловая трансформация должна была, с одной стороны, придать словам Соловьева мистическое и пророческое звучание, далеко выходящее за рамки личной переписки, но с другой – достигался и достигался встречный эффект: многозначительно уплотнялся мистически-смысловой контекст статьи Булгакова. Об этом говорит его рассуждение о том, что основная – и неразрешимая – антиномия христианской философии истории – это выбор между хилиазмом и апокалиптикой, причем «классический пример такого антиномизма»³⁴ обнаруживает учение Соловьева.

Можно прибавить – и Чаадаева, пророка «великого апокалиптического синтеза», о котором он поведал человечеству по просьбе дамы, ищущей духовного совершенства.

Библиография

- Булгаков С. Н., *Апокалиптика и социализм*, в: С. Н. Булгаков, *Сочинения в 2 томах*, т. 2, Москва 1993, с. 368–434.
- Веневитинов Д. В., *Письма к графине NN*, в: Д. В. Веневитинов, *Полное собрание сочинений*, Санкт-Петербург 1862, с. 174–181.

³⁴ См. С. Н. Булгаков, *Апокалиптика и социализм*, *op. cit.*, с. 427.

- Вильде Н. Н., *Корреспондентка Чаадаева*, «Голос Москвы» № 94, 24 апреля 1913.
- Гершензон М., *П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление*, Санкт-Петербург 1908.
- Лукьянов С. М., *О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии*, кн. 1, Петроград 1916.
- Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву (1828–1832)*, в: П. Я. Чаадаев, *Полное собрание сочинений и избранные письма*, т. 2, Москва 1991, с. 413–523.
- Письма Владимира Сергеевича Соловьёва*, т. 3, Санкт-Петербург 1911.
- Тарасов Б. Н., *Чаадаев*, Москва 1986.
- Трубецкой Е. Н., *Миросозерцание В. С. Соловьёва*, т. 1, Москва 1995.
- Улыбышев А. Д., *Сон*, в: *Сильфида: Фантастические повести русских романтиков*, Москва 1988, с. 216–222.
- Хомяков А. С., *Несколько слов о философическом письме (напечатанном в 15 книжке «Телескопа»)*, в: А. С. Хомяков, *Сочинения в 2 томах*, т. 1, Москва 1994, с. 449–455.
- Чаадаев П. Я., *Письма*, в: П. Я. Чаадаев, *Полное собрание сочинений и избранные письма*, т. 2, Москва 1991, с. 6–289.
- Чаадаев П. Я., *Философические письма*, в: П. Я. Чаадаев, *Полное собрание сочинений и избранные письма*, т. 1, Москва 1991, с. 320–440.